

Инна Гдалиевна Рахлина

Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."

Инна Гдалиевна родилась в Ленинграде в 1935 году.

ДЕТСТВО. ВОЙНА. ЭВАКУАЦИЯ.

Мы жили с родителями на улице Марата в большой коммунальной квартире, в которой несколько комнат занимали члены нашей большой семьи – моя бабушка, ее дочери. Мои первые воспоминания – печка, родительская кровать с шишечками, шкаф с ящичками и маленький столик черного дерева, который до сих пор со мной. И хотя в квартире вместе с нами проживала моя бабушка по

отцу, у меня была няня – бабушка вырастила семерых детей и заслуживала отдых.

Семья отца. Слева направо: Самуил, Мария Абрамовна (мать), Белла, Рахиль, Мария, Гдалий (Геннадий), Абрам, Моисей Самуилович (отец), Рафаил.

Мои родители работали, мать Лия Письмен была машинисткой, а отец – Геннадий (Гдалий) Рахлин - сначала заведовал культмассовым сектором в Доме Писателей (еще при Алексее Толстом), а с 1938 года работал в знаменитом книжном магазине на углу Невского и Фонтанки – в «Книжной лавке писателя». Он организовывал литературные вечера, концерты в книжных магазинах – не только в Петербурге, но и в Москве, а потом и в книжных магазинах столиц союзных республик.

Мне было 6 лет, когда началась война, хотя самого дня начала я совсем не помню – ведь была уже накануне финская война, о которой все забывают сейчас. Уже были затемнения, военное положение, и для меня переход от одной войны к другой был не заметен, тем более, что мы с мамой очень рано уехали в эвакуацию – уже 7 июля 1941 года.

Я очень хорошо помню дорогу: мы уезжали на поезде, сначала в Углич, где прожили месяц. Мать устроилась там машинисткой, а спали на столе в местном клубе. Хорошо помню, что каждый день на берег Волги приходили баржи с беженцами – было лето, жарко, и люди спали прямо на пляже.

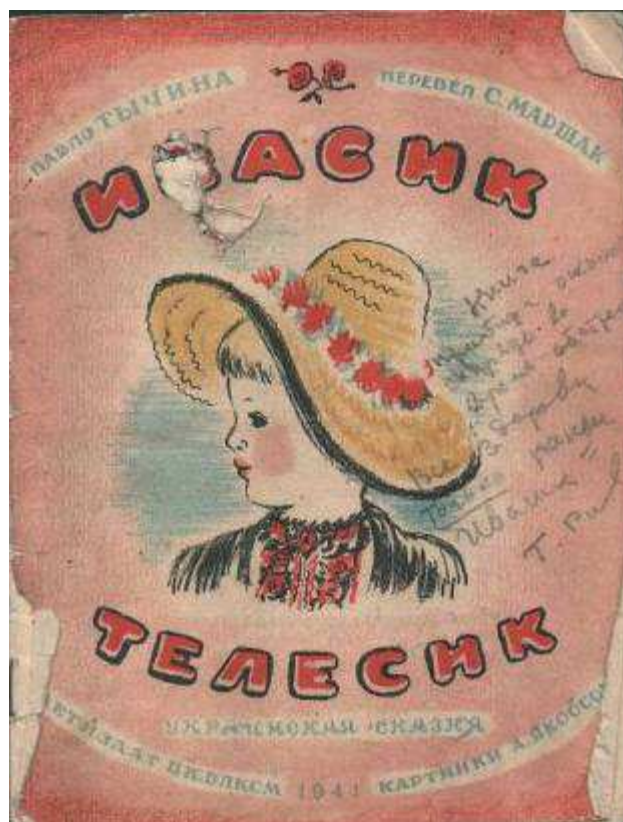

Маленькая Инна до войны

В один день мы пошли на пляж, а там было пусто. Новых беженцев больше не было – и все поняли, что немцы уже близко. В ту же ночь мать сорвалась, и мы уплыли в Ульяновск, оттуда на зиму перебрались через Куйбышев (ныне Самара) в Актюбинск в Казахстане, где осела мамина родня – брат с семьей, сестра и мать из Москвы.

Очень запомнился момент, как тетя получила контейнер с вещами – она уезжала в эвакуацию как жена военного из Таллина, через Москву, потом в Казахстан, но даже в военное лихолетье отправленные из Таллина по почте вещи дошли до нее!

Хотя потом начались перебои: из блокадного Ленинграда в феврале 42-го отец отправил мне на день рожденья бандероль, которую я получила ровно к следующему дню рожденья – в 1943 году. Это была детская книжка, сборник украинских сказок «Ивасик». Обложка была пробита осколком – книга лежала на витрине магазина во время обстрела. Эта книжка и сейчас со мной.

Надпись на книге рукою отца: «Книга пробита осколком снаряда во время обстрела. Все здоровы. Только ранен Ивасик»

В Казахстане моя мать тяжело заболела брюшным тифом, но поправилась, и как только блокаду прорвали мы стали рваться обратно, в Ленинград, что было практически невозможно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД

Отец продолжал работать в «Книжной лавке писателей» блокадном Ленинграде. Тогда он познакомился с Решкиным Василием Макаровичем, заместителем П.С.Попкова, председателя ленинградского городского исполкома, а потом первого секретаря обкома КПСС, у которого они бывали в доме и играли в карты или домино, и по правилам проигравший лез пол стол. В этом доме бывал и Ворошилов.

**Лето 1942 года в
блокадном
Ленинграде**

Через это знакомство отец несколько раз пытался отправить нам вызов. Наконец, вызов подписали, и мы с матерью отправились в поезде для раненых из Казахстана через Москву в Ленинград – это было осенью 1943 года. Я хорошо помню, что поезд из Москвы шел в объезд, через Волхов и линия фронта была совсем близко, были слышны канонады. Этот проезд называли «коридор смерти». Поезд был чистым, с ковровыми дорожками, но когда состав шел мимо фронта, то выключали свет и двигатели и шли накатом в полной темноте...

Наш дом на улице Марата треснул от бомбы, попавшей в соседний дом, отец ночевал на работе – в своей книжной лавке, но незадолго до нашего возвращения получил жилье – комнату в квартире на Малой Конюшенной улице, где я и сейчас живу, отделившись от коммунальной квартиры уже после смерти отца.

Я снова пошла в школу, во второй класс. Продолжались сильные обстрелы – немцы были очень методичны, они обстреливали город с Вороньей горы, по районам, переносили обстрелы с одного района на другой, а границы

района проходили по Волынскому и **Отец на фоне своего магазина, где он и работал, и жил в блокаду. Фотография 1942 года**

Шведскому переулку. Выходя из школы после «отбоя» в Дзержинском районе мы попадали под обстрел в Куйбышевском...

Хорошо запомнилось, как вдоль Невского проспекта, почти параллельно земле летел раскаленный снаряд...

Отец не очень много рассказывал о блокаде, но помню, как он говорил маме «вот кончится война, купим много столярного клея, сварим студень и наедемся досыта...»

Отец в нейрохирургическом госпитале (будущий институт мозга им. Поленова на ул. Маяковского). Возможно, это краткое пребывание и помогло ему пережить две блокадные зимы.

Я очень хорошо помню салют в январе 1944 года – когда была полностью снята блокада Ленинграда. Это был главный день для ленинградцев – я даже день Победы 9 мая 45 года не запомнила так, как снятие блокады. Лучше я помню проход войск в июне 1945 – как по Невскому шли наши солдаты, а было жарко, и люди догадались вынести ведро воды и давали солдатам пить...

Мои родители, фотография военного времени (вероятно, 1943-1945)

Инна с родителями (после войны)

ОТЕЦ

Встречать новый 1949 год мы поехали в Москву. Шестого января моего отца вызвали в Литфонд. Домой он не вернулся.

В тот же день и в квартире его сестры, где мы остановились в Москве, и в нашей ленинградской квартире одновременно прошли обыски. Забрали более уникальных книг с дарственными отцу – ведь отец дружил со всеми выдающимися

писателями и поэтами того времени, в нашем доме бывали и Зощенко, и Ахматова, – перечислять можно бесконечно. При аресте объявили, что у отца крупная сумма денег, которую ему якобы передала Голда Мейер для оплаты шпионской деятельности... Скорее всего, сыграл свою роль визит Рондольфа Черчилля, сына британского премьер-министра и сэра Исаяи Берлина, дипломата и философа, в наш дом в ноябре 1945 года – а ведь Рондольф Черчилль тогда просто попросил у советских властей показать ему «обычную ленинградскую семью», и его привели к нам...

Отец находился в Сухановской тюрьме (бывший монастырь) под Москвой. Она была оборудована пыточным центром в подвале – бассейны с кипятком и ледяной водой, шкаф на льду, в котором нужно было стоять днями, применяли и психическое воздействие – показывали фильмы, где препарируют внутренности человека и предупреждали, что будет также...

Фотография отца из дела

Потом была тюрьма, потом приговор – 25 лет с конфискацией и отправка в инвалидный лагерь в Абези (под Воркутой) в конце 1949 года.

Мы с мамой вернулись в Петербург, никому ничего не рассказывали. Летом 50-го года мама без разрешения, сама, поехала в лагерь к отцу, в поселок Абезь. Тундра и колючая проволока. Мать никуда не пустили, сказали «Уезжайте и

забудьте, что вы здесь были». Тогда же случилась еще одна история, о которой мать не особо рассказывала – по-видимому, сотрудники лагеря насильно удерживали ее в заложницах, шантажируя отца и выбивая так из него какие-то признания.

Меня даже приняли в комсомол, мама продолжала работать в театральном комбинате.

СМЕРЬ СТАЛИНА

Когда мы узнали, что умер Сталин, то полетели с сослуживицами по костюмерному театральному комбинату в Москву на похороны, заложив шубу одной из нас. В колонный зал мы не попали, но страшную давку я помню и Сталина в Мавзолее сразу после похорон...

Отцу в конце 1952 года стали «шить» дело врачей, перевели из лагеря в Москву для допросов, поместили в камеру типа гостиничного номера. После смерти Сталина дело прекратили и отца вернули в лагерь в Инту. Второе пыточное следствие – 17 суток в кандалах и очные ставки с врачами.

Эту мою маленькую, довоенную фотографию отец пронес с собой всю войну и весь лагерь

В лагере отец работал подземным диспетчером в шахте и гордился тем, что в его смену никто не ругался матом: все знали, что отец просто повесит трубку и не отправит вагонетки в забой, если в разговоре прозвучит матерное слово...

После смерти Сталина мы с папиной сестрой поехали в Инту, где отец работал на шахте. Жили у вольнонаемного немца, который после ранения и госпиталя попал в лагерь, потом его оставили там на поселении. Он рассказывал, как заключенные строили лагерь – привозили их в тундру на голое поле, обносили территорию колючей проволокой – вот и лагерь.

Свидание дали на два часа. Помню заключенных в ватниках в колонне охранников с собаками.

Мама уже позже ездила на личные свидания.

После XX-го съезда КПСС отца освободили, и он вернулся в Ленинград.

The image shows two Soviet documents. The left document is a release certificate (Справка №) from the Ministry of Internal Affairs (МВД) of the USSR. It details the release of a citizen, Alexander Alexandrovich Gerasimov, from a labor camp (ИТЛ № 1/15) on October 11, 1955. The document includes his personal information: born in 1906, Jewish nationality, and residence in Leningrad. It also features a small portrait of the individual and a circular official stamp. The right document is a travel ticket (билет) issued for travel to Leningrad, with a value of 90 rubles and 60 kopecks. It is signed by the head of the release department.

Справка отца об освобождении из лагеря.

Родители после возвращения отца из лагеря

УЧЕБА. РЕАБИЛИТАЦИЯ.

Я поступала в ВУЗы пять раз.

Заваливали на истории, потом я сдала все экзамены на заочное отделение в Энергетический Московский Институт, но осенью вдруг выяснилось, что я «не допущена к обучению». Через несколько лет после возвращения отца удалось поступить в Ленинградский Электротехнический Институт Связи имени Бонч-Бруевича на вечернее отделение.

Училась я долго, до возвращения отца жила очень замкнуто – я ни с кем не общалась, ни к кому не ходила в гости. В годы учебы меня начали шантажировать: я до сих пор точно не знаю, но думаю, что это дело рук тех же самых «органов» - мне звонили по телефону и говорили гадости про отца, ведь помимо статьи о шпионаже против СССР, по которой отец был реабилитирован после смерти Сталина по мере пересмотра дел, осужденных во внесудебном порядке, была еще и вторая статья - за мужеложство, обвинения по которой были сняты в 1992 году при полной реабилитации... Я замкнулась, родителям не рассказывала.

С 1958 года работала в Ленэнерго, где проработала всю жизнь и прошла путь от монтера-обходчика линий связи до специалиста по радиосвязи и оператора ЭВМ уже после выхода на пенсию.

Но самая интересная жизнь была у нас в доме - после возвращения отца, который открыл магазин от Ленкниги на улице Печатников. У нас в доме опять стали бывать творческие люди Ленинграда и Москвы того времени: актеры, поэты, писатели. Бывали у нас и театр на Таганке - Любимов, Высоцкий, Золотухин, Смехов, поэты - Окуджава, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадуллина.

**1957 год. Фотография с автографами В.Высоцкого, В.Золотухина.
Сидят: Шацкая, Левина, Ходорковский, Г.Рахлин, Ковнер, Смехов,
Золотухин. Стоят И. Рахлина, Попов, Высоцкий.**

Отец был центром, душой компании, открытым людям, несмотря на пережитое.

Только в 1992 год, по постановлению Верховного суда уже Российской Федерации, отец был полностью реабилитирован. Посмертно.

ВЕРХОВНЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

103289 Москва, ул. Ильинка 7/3

СПРАВКА

№ _____

на № _____

Гр-н Рахлин Глади́й Моисеевич, 1906 года рождения, по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 19 ноября 1949 года на основании ст.ст.58-1 "а", 121 и 154-"а" ч.2 УК РСФСР подвергнут заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет, с конфискацией имущества.

Постановлением Центральной комиссии по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении от 10 октября 1955 года обвинение Рахлина Г.М. по ст.58-1 "а" УК РСФСР (измена Родине) прекращено за недостаточностью улик, а по ст.121 УК РСФСР (разглашение сведений, не подлежащих оглашению) и по ст.154-"а" ч.2 УК РСФСР (мужеложство) мера наказания Рахлину Г.М. снижена до фактически отбытого срока наказания.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 1992 года Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 19 ноября 1949 года в отношении Рахлина Г.М. отменено, дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Гр-н Рахлин Г.М. по настоящему делу реабилитирован.

Согласно материалам дела гр.Рахлин Г.М. до ареста работал директором Центральной книжной лавки писателей.

Заместитель Председателя
Верховного Суда
Российской Федерации

В.И.Радченко
В.И.Радченко

Справка о полной реабилитации отца . 1992

**Воспоминания записала и оформила
Ольга Андреева
2012-2013гг**